

Среда, 24-го сентября 1908 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

Народный домъ гр. Паниной.

«ДЯДЯ ВАНЯ».

Вся затѣя съ музыкой, какъ оказалось, вовсе не стоила того вниманія, которое ей было удѣлено. Одно, что хочется сказать, такъ это то, что ужасно обидно за искусство, съ которымъ каждый, кто захочетъ, можетъ дѣлать все, что ему заблагоразсудится. Это проявляется особенно тогда, когда начинается «исканіе новыхъ путей» — ужъ чего тутъ съ нимъ не дѣлаютъ!

Какъ извѣстно, репетиціи «Дяди Вани» режиссеръ велъ подъ акомпаниментъ Шопена и Чайковского на томъ основаніи, что музыка, во-первыхъ, такъ сказать, дисциплинируетъ артистовъ, во-вторыхъ, является внутреннимъ (!) стимуломъ ансамбля (?), въ третьихъ же регулируетъ исполненіе пьесы. Артисты, де, привыкли относиться къ репетиціямъ, какъ къ отбыванію непріятной повинности. Ансамбль, де, даже Станиславскимъ (!) прививается извнѣ. Темпъ, ритмичность и музыкальность исполненія обуславливаются сопровождающей исполненіе музыкой.

Болѣе того, режиссеръ высказываетъ намѣреніе и надежду видѣть исполненіе того же «Дяди Вани» передъ публикой подъ музыку. На вопросъ, находитъ ли онъ, что имъ достигнуты какіе-либо результаты, режиссеръ отвѣтилъ, что «нѣкоторые» результаты есть. Такъ думалось и говорилось за кулисами.

Но что получилось въ зрительномъ залѣ?

Жаль, что зрители раньше узнали, что пьеса пошла при помощи музыки, а то скептикъ скажетъ, что же было бы безъ нея?!

Большинство исполнителей—Вафля, Няня, Соня, Астровъ, Маша—взяли какой-то неестественный пѣвучій тонъ и то, что называется—«дѣлали Чехова» и старались быть «музыкальнѣе».

Не это ли «нѣкоторые» результаты?

И благодаря именно этому обстоятельству, вмѣсто Чехова получилась пафосная героическая пьеса не безъ задора, не безъ пафоса, не безъ ужимокъ.

Если даже оставить «музыку» въ сторонѣ, г. Таировъ и какъ артистъ, и какъ режиссеръ заявилъ себя равнѣе всего очень неопытнымъ: онъ, изображая Астрова какимъ-то косматымъ, не зная, куда дѣвать руки, все время держался за бокъ; что же касается постановки, то, при болѣе или менѣе удачныхъ mise en scène, были ужасные курьезы. Такъ, во второмъ актѣ, при поднятіи занавѣса, въ церкви (!) пробило 12; черезъ двѣ секунды уже оказывается «15 минутъ перваго».

Но забавнѣе всего то, что дальше часы бить перестали—нужно думать пономарь уснулъ, ибо къ концу акта уже взошло солнце (!), вдали пастухъ заигралъ на свирѣли (см. оперу «Евгеній Онѣгинъ» актъ 2-й) и только тутъ, почему-то, когда было свѣтло, какъ днемъ—впервые за весь актъ раздалась колотушка сторожа, проспавшаго всю ночь, видимо, у пономаря. Затѣмъ г. Таировъ выговариваетъ «болота» черезъ «болотѣ» (!)

Въ общемъ—впечатлѣніе спектакля на частныхъ драматическихъ курсахъ или у интеллигентныхъ, но малоопытныхъ любителей. Все старались «сдѣлать», а главнымъ—непосредственного вдохновенія не было нигдѣ.

Точно также нигдѣ не было того ужаснаго

гнета будничной, сѣрой, безпросвѣтной жизни, томленія, жажды лучшихъ дѣей, не было того внутреннего перегара, внутренней тоски и страданія, ощущенія «лишности» жизни и словъ, не было трепетнаго нерва; не было той картины могильныхъ сумерекъ, въ которыхъ на мгновеніе блеснули лучи надежды, чтобы оставить всѣхъ затѣмъ въ еще большей ночи.

Лучше всѣхъ была профессорша (г-жа Слонимская); она понимала, что дѣлала, а главное дѣлала то, чего хотѣлъ авторъ.

Бѣда была лишь въ томъ, что она очень молода для этой роли. Движенія, фигура, голосъ, лицо—все было дѣвичье.

И на ряду съ нею стоитъ Войницкій (г-нъ Гайдебуровъ).

У послѣдняго много темперамента, есть драма. Второй и послѣдній актъ ему удалось лучше другихъ. Что же касается третьяго—онъ такъ суетился, такъ пестрилъ своими движеніями, что затмилъ внутреннюю драму.

Но, за исключеніемъ этихъ двухъ свѣтлыхъ точекъ, отъ всего остального вѣяло умствованіемъ и лукавствомъ.

Покидая залъ, недоумѣваешь, «зачѣмъ вся эта музыка», зачѣмъ предупрежденія относительно звонка, просьба не аплодировать.

Развѣ не проще было проникнуться душою гениальнаго автора и сдѣлать скромно и просто только то, чего онъ хотѣлъ.

В. Г.